

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫП. XV

АФРИКА И АЗИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1973

А. А. Быков

МОНЕТЫ РАШАДДИНА, УЙГУРСКОГО ПОВСТАНЦА

I

В нумизматических собраниях встречаются иногда своеобразные медные монеты, дальневосточные по форме, ближневосточные по надписям, которые еще не привлекли к себе должного внимания. Обычно они не отличаются хорошей сохранностью, и, может быть, этим и их относительной редкостью объясняется, что за их изучение никто серьезно не брался. Пишущему эти строки известно всего два упоминания о них в литературе.

Р. Хёрнле, имевший, видимо, только одну такую монету, считал находящиеся на ней надписи персидскими и изобразил их следующим образом [17, стр. 22, табл. II, № 23]:

Лиц. ст. اشيد غازي راشيدین خان.

Об. ст. ضرب دار السلطنة كوجا.

Автор отметил, что надписи читаются не полностью, а над словами دار السلطنة «по-видимому» имеется дата — 1283 г. х., соответствующая 1866/67 г. н. э., или «второму году восстания Яакуб-бека², что сходится с цифрой 2 на реверсе». Р. Хёрнле прибавляет еще, что монета «чеканена» в недавние времена независимости мусульманского Кашгара, но что он затрудняется идентифицировать правителя, названного на лицевой стороне.

Второе издание такой монеты, судя по изображению неплохо сохранившейся, принадлежит знатоку китайской нумизматики Рихарду Шлэссеру, которому чутье подсказало, что монета представляет значительный интерес. Он вспомнил об этом любопытном, лично ему принадлежавшем экземпляре, описывая замечательное Дорстенское собрание китайских монет (до второй мировой войны находившееся в Вёрле в Вестфалии), и воспроизвел ее лицевую сторону [18, стр. 110, табл. 20, № 134]. Говоря о китайских монетах для Восточного Туркестана, Р. Шлэссер писал: «По этому поводу может быть также упомянут один чрезвычайно своеобразный и полный очарования экземпляр („ein reizvolles Stück“), который тоже относится к этой области (т. е. к Восточному Туркестану.— А. Б.), но принадлежит мусульманскому повстанцу Яакуб-беку, который в 70-х годах прошлого века руководил большим восстанием и выпустил собственные монеты. Внешне сохра-

¹ Из текста Р. Хёрнле следует, что в данном месте опечатка: вместо арабской цифры «٦» следует читать «٢».

² Автор ссылается на работу Беллью и Форсайта о миссии в Яркенд в 1867 г. (ошибочно указан 1837 г.), которой не оказалось в доступных мне библиотеках.

няющие форму китайских чохов („Käsch“.— А. Б.), эти монеты на лицевой и оборотной стороне носят чисто турецкую надпись» [18, стр. 110]. Из приведенной Р. Шлэссером транскрипции видно, что он, так же как Р. Хёрнле, читал легенду оборотной стороны, но совершенно иначе воспроизвел надпись, находящуюся на лицевой стороне.

Лиц. ст. Ghazi Raschid Khan. Sanat 2³.

Об. ст. Zarb dar al-Sultanat Kuja⁴.

Выпуск таких монет Р. Шлэссер отнес к 1864 г. Чтение легенды оборота у обоих авторов не вызывает, конечно, никаких сомнений. Все же остальное — причисление монет к выпускам Йакуб-бека и легенда лицевой стороны, особенно в чтении Р. Шлэссера, остается совершенно непонятным.

Захватчик, а не повстанец, Йакуб-бек появился в Восточном Туркестане в 1865 г. Дата давно принята всеми исследователями, как историками, так нумизматами, и никак не согласуется с указанным Р. Шлэссером 1864 г. и его чтением — «sanat 2» (год 2-й), равно как и с мнением Р. Хёрнле, также понимавшим «двойку» как обозначение года. Прочитанная Р. Хёрнле на лицевой стороне доступного ему экземпляра дата 1283 г. х., в наличии которой он вполне основательно сомневался, не более как аберрация, которая объясняется плохой сохранностью монеты.

На экземпляре, изображенном Р. Шлэссером, под словом, которое он принимал за конец легенды и читал как «sanat» (سنة — год), достаточно ясно видны две точки, но нет ни одной над ним. Основываясь на этой диакритике и на графике слова, где последняя буква без всякой натяжки воспринимается как λ , а не как $\dot{\lambda}$ или λ , слово нельзя читать иначе как سيد (господин, государь). С него и следует начинать легенду, как поступил Р. Хёрнле. Знак над этим словом действительно похож на арабскую «двойку» $\dot{\lambda}$, только с очень короткой вертикальной чертой.

В имени хана Р. Шлэссер почему-то оставил непрочитанными две последние буквы — ن , хотя к первой из них относятся две точки, находящиеся под буквой λ имени, которое, следовательно, может читаться только как راشدین (Рашаддин). Написание راشدین передано Р. Хёрнле неправильно и объясняется, вероятно, либо опечаткой (лишнее ن после ش), каких несколько в тексте Р. Хёрнле, либо недостаточной сохранностью данного места легенды.

Монеты такого вида не имеют никакого отношения к Кашгарскому ханству, следовательно, и к Йакуб-беку, а «двойка» — к дате, что будет показано в дальнейшем.

Как хорошо известно, Йакуб-бек чеканил только золотые «тилла» и серебряные «тенга», на которых имя Йакуб-бека не значится. Вместо него всегда назван турецкий султан 'Абд ал-'Азиз, суверенитет которого добровольно признал Йакуб-бек, надеясь на помощь Турции в своей борьбе с Китаем. При таких обстоятельствах едва ли может быть речь о том, чтобы Йакуб-бек разрешил кому-либо из своих сподвижников ставить свое имя на монетах, хотя бы и медных, да к тому же китайских по форме⁵.

³ «Гази Рашид-хан. Год 2-й».

⁴ «Чекан державного города Куджа» (Куча.— А. Б.).

⁵ Что касается меди, то в качестве разменной монеты, может быть, и во времена Йакуб-бека в Кашгарском ханстве ходили своеобразные толстые, медные монеты городского выпуска без даты, имеющие характерную миндалевидную форму и одно-стороннюю надпись: «Кашгар», исполненную в высоком рельефе арабским шрифтом.

Таким образом, вся легенда лицевой стороны, написанная почерком типа та'лик, гласит: ⁶سید غازی راشدین خان.

В основном собрании восточных монет Государственного Эрмитажа подобных экземпляров не имеется. Но за долгие годы работы в Отделе нумизматики такие монеты несколько раз приходилось видеть среди материалов отдела, еще не подвергшихся детальной обработке. К сожалению, обычно монеты были слабой сохранности, не позволявшей с уверенностью прочесть что-либо, кроме места их выпуска — Куча, которое также определено обоими названными учеными. Случай уделить этим интригующим монетам более пристальное внимание представился осенью 1969 г., когда в связи с инвентаризацией несистематизированных и неопределенных дальневосточных монет бывшего собрания Азиатского музея Академии наук СССР Н. В. Ивочкиной было обнаружено 12 таких монет. Сохранность большинства экземпляров оказалась хорошей, и это позволило отметить два различных типа монет Рашаддина, из которых каждый был представлен шестью экземплярами.

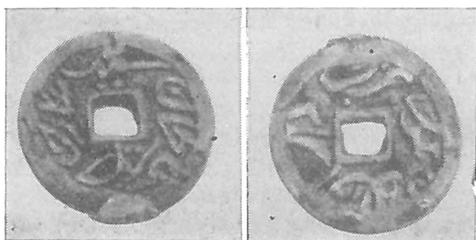

Рис. 1

Тип. I.

Лиц. ст. ⁶سید غازی راشدین خان

Об. ст. ⁷ضرب دار السلطنه كوجا

(Рис. 1).

Замечания требует необычная форма имени хана на этих монетах. В отличие от монеты, изданной Р. Шлессером, на которой совершенно отчетливо виден ¹ после ^ر, на всех шести экземплярах эта буква находится под лигатурой ^{شد} и срослась с ней (см. рис. 1).

Тип. II.

Лиц. ст. ⁸سید غازی راشدین خان

Об. ст. ⁹ضرب دار السلطنه اقسو

(Рис. 2).

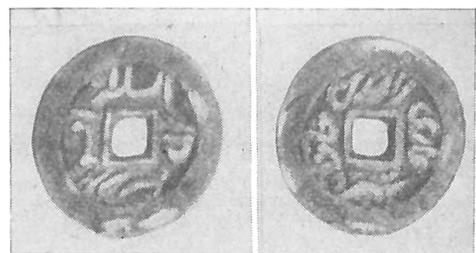

Рис. 2

На всех монетах данного типа слово Рашаддин написано как на изданном Р. Шлессером экземпляре из Кучи — с хорошо видимым ¹ после ^ر. Вообще надписи на монетах из Аксу в каллиграфическом отношении значительно лучше исполнены, чем на выпущенных в Куче. На одной из них они даже не лишены изящества (рис. 3).

⁶ «2. Государь победитель Рашаддин-хан».

⁷ «Чекан державного города Куджа» (Куча.— А. Б.).

⁸ «Государь победитель Рашаддин-хан».

⁹ «Чекан державного города Аксу. 2».

Привыкшим к мусульманским именам в их классической арабской форме странным может показаться имя хана — Рашаддин. Напоминая хорошо известный лакаб — رشيد الدين, оно является не чем иным, как стяженной формой этого прозвища. Принадлежит оно уйгурскому ходже местного, восточнотуркестанского «черногорского» толка ислама,

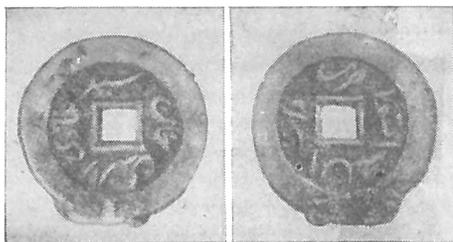

Рис. 3

ставшему во главе восстания, поднятого дунганами в Куче в 1864 г. Именно в таком виде — راشدين (Рашаддин) — лакаб, существуя в уйгурском народном языке, проник и в уйгурскую письменность. В «Та'рих-и Эминие», сочинении уйгурского муллы Мусы, сына муллы 'Айсы ('Исы) из Сайрама, посвященном истории кашгарских владетелей, лакаб главы кучинского восстания встречается неоднократно, однако не имеет устойчивой орфографии. В большинстве случаев пишутся два слова — راش الدين [13, стр. 46₁₀, 48₈, 10, 49₂ снизу, 54₇, 8, 11 и др.], но иногда значит, как на монетах, сугубо стяженная, разговорная форма — راشدين [13, стр. 25₃, 44₆]. Стяжения такого рода характерны для уйгурского языка. В «Та'рих-и Эминие» читаем прозвище другого уйгурского деятеля того времени, названного здесь, — حام الدين (Хам ад-дин) вместо حميد الدين (Хамид ад-дин) [13, стр. 57₂, 11, 13, 17, 62₁₇, 63₄, 56₁, 10 и др.].

Диалектическая форма имени правителя на монетах, как в данном случае, — чрезвычайно редкий, если не единственный пример в истории денежного обращения мусульманского Востока. Вне всякого сомнения, имя главы кучинского восстания умышленно названо на монетах так, как оно звучало в уйгурской народной речи. Целью этого было подчеркнуть уйгурское происхождение Рашаддина и тем привлечь в ряды восставших основное население этой части Восточного Туркестана — уйгур. Тем более это имело смысл, что среди дунган, начавших восстание, находились лица, носившие и мусульманские, и полукитайские, и чисто китайские имена. Трех таких дунган — Шам сад-дина халифу, Ма Шур-ахуна и Ма Луна — упоминает Д. И. Тихонов в статье о восстании 1864 г. [14, стр. 157]. Рашаддин — диалектическая форма, но монета сугубо официальный документ власти, и имя правителя, на ней обозначенное, и есть то, с каким он должен войти в историю.

Д. И. Тихонов отмечает, что, возглавив восстание, Рашаддин принял титул «Хан ходжа» [14, стр. 158]. Так он назван дважды в «Та'рих-и Эминие» [13, стр. 25₃, 54₇₋₈] и, вероятно, в тех уйгурских источниках, которыми мне не удалось воспользоваться. Но во всех других случаях автор «Та'рих-и Эминие» называет Рашаддина по-разному: «хан» [13, стр. 48₈, 52₂ снизу], «шейх» [13, стр. 48₁₀], чаще — «ходжа» [13, стр. 44₆ снизу, 46₁₀ (خواجم), 49₂ снизу (خواجه)] — если это не описка или опечатка вместо خواجم и др.], как всякого другого политического деятеля, происходящего из уйгурских духовных кругов. В небольшой анонимной уйгурской рукописи, в основном посвященной Якуб-беку, Рашаддин упоминается только два раза и очень скромно — Рашаддин хан (راشدین خان) [12, стр. 1₁₀, 15₁]. Из всего этого можно заключить, что в уйгурской среде Рашаддина величали различно, что и

отразилось в источниках. Сам он, как показывают монеты, в качестве официального титула избрал более пышную формулу — «Сейид Гази хан»¹⁰. Любопытным отголоском ее является один раз встречающаяся в «Та'рих-и Эминие» — «Хан Гази Ходжа»¹¹ [13, стр. 54₁₁].

Другое важное сведение, о котором сообщили монеты из собрания Азиатского музея, — существование второго монетного двора Рашаддина — Аксу. До восстания 1864 г. в ряде городов Восточного Туркестана, в том числе в Куча и Аксу, действовали китайские монетные дворы, основанные при Цяньлуэ непосредственно после завоевания (1759 г.). Таким образом, создавать новые Рашаддину не было надобности. Население в течение столетия было уже знакомо с китайскими цянями, медной или бронзовой литой монетой с квадратным отверстием, и Рашаддин не стал изобретать чего-либо нового. Он воспользовался и внешним видом китайских монет и китайской техникой — литьем. Заменить пришлось только формы для отливки монет, надписи на которых содержали бы его имя и титул, а также указание на место выпуска монет на местном наречии. Грубое исполнение надписей на большинстве монет Кучи точно свидетельствует об их спешном выполнении.

Говоря о монетных дворах Рашаддина, нельзя обойти некоторые особенности в написании их названий на монетах. Вместо Куча (كوجا) всегда значится Куджа (كوجا), как повелось с уйгурских обозначений на первых китайских цянях, отлитых в этом городе [19, № 16]¹². В упоминавшейся анонимной уйгурской рукописи Института востоковедения АН СССР во всех случаях написано كوجا и только один раз كوجا, что, видимо, объясняется опiskой [12, стр. 1₁₁]. В уйгурском произношении разницы, в сущности, нет никакой. Не раз уже отмечалось, что *джим* в уйгурских словах читается как *чим* [10, стр. 35; 7, стр. 6].

Слово Аксу, как известно состоящее из двух тюркских слов — *Ақ* (белый) и *سو* (вода), на монетах Рашаддина обычно пишется без *мадды* над *алефом* и с буквой *сйн* вместо *сэд* (اسو) так же, как в анонимной уйгурской рукописи Института востоковедения АН СССР [12, стр. 2₃, 8₁₀, 4₁₁, 12 и др.]. Профессор В. М. Насилов отмечает неустойчивость орфографии ряда уйгурских слов, в том числе *سو — سو* [9, стр. 18]. К ним следует также присоединить и *كوجا — كوجا*.

В «Та'рих-и Эминие» в слове Куча часто стоит *джим* вместо *чим*, а Аксу пишется через *сйн* и очень редко с *маддой* над *алефом*. Как писал сам автор, трудно сказать. По замечанию В. В. Бартольда, казанское издание «Та'рих-и Эминие» изобилует опечатками, перечисление которых заняло отдельную брошюру в двадцать четыре страницы, к сожалению отсутствующую в библиотеке ЛО ИВАН СССР [2, стр. 0195, прим. 1].

Невыясненным остается пока значение арабской цифры «два» (۲), логически не связанной ни с каким словом легенд на описанных двух типах, на каждом из которых она занимает другое положение. На монетах из Кучи «двойка» поставлена в начале легенды лицевой стороны над словом *سید* («сейид»), а на выпущенных в Аксу — на обороте монет в самом конце легенды после обозначения монетного двора.

¹⁰ «Государь победитель, хан».

¹¹ «Хан победитель, ходжа».

¹² В уйгурском языке существуют два названия этого города: «Куча» и, видимо, более старое «Кучар» [ср. 3, стр. 276]. В настоящей статье принято первое, как обозначенное на всех географических картах.

Выше было показано, что цифра не имеет отношения ко времени восстания Йакуб-бека, но она не датирует и монеты Рашаддина. Как только он стал верховным руководителем дунгано-уйгурского восстания, одним из первых мероприятий, укрепляющих его политическое положение, должно было быть осуществление монетной регаллии. Задача была облегчена и ускорена наличием в Куче и Аксу монетных дворов, оборудованных китайским правительством задолго до восстания. Несомненно, это обеспечило Рашаддину возможность выпустить собственные монеты в ближайшее время после прихода к власти, т. е. еще в 1864 г. Дата, указанная Р. Шлессером, в таком понимании оказывается справедливой.

На встреченных до сих пор монетах Рашаддина нет никаких иных цифр, кроме указанной «двойки», и, думается, их не окажется и на других экземплярах. Заимствовав многое из монетного дела Китая, Рашаддин не подумал о датировке монет, которая отсутствует на огромном большинстве китайских монет. С древнейших времен в Китае укоренился обычай косвенной датировки монет по названному на них девизу правления. Роль последнего на монетах Рашаддина выполняет лакаб (прозвище) уйгурского ходжи.

Прецеденты точной датировки китайских монет были, но они не могли оказать влияния на тип монет Рашаддина. К его времени в самом Китае давно был забыт опыт Южной Сун (1127—1279) [3, стр. 23] отмечать на монетах год их отливки, а также несколько точно датированных выпусков при поздних Юанях (XIV в.) [3, стр. 26]. Обозначение года на монетах снова появилось в Китае именно в Восточном Туркестане, однако позднее и только на серебре, выпущенном после ликвидации государства Йакуб-бека под воздействием занесенных им среднеазиатских традиций [3, стр. 36—37]. Трудно также предположить, чтобы образцом послужили крайне редкие серебряные «танка» конца XVIII — начала XIX в., изготовлявшиеся в Китае для Тибета [3, стр. 32—33], и тем более не цянй, отлитые в Аксу с обозначением 8 г. периода Даогуан (1828 г.) в память подавления восстания уйгурского ходжи Джахангира [3, стр. 33].

Арабская «двойка» на монетах Рашаддина должна иметь какое-то другое, недатирующее значение.

Пожалуй, можно было бы еще подумать о связи загадочной «двойки» с начертанием слова Аксу на некоторых китайских цянях, отлитых в этом городе. На них число и расположение точек в слове Аксу — пяти вместо двух, помещенных не над буквой *каф*, а между

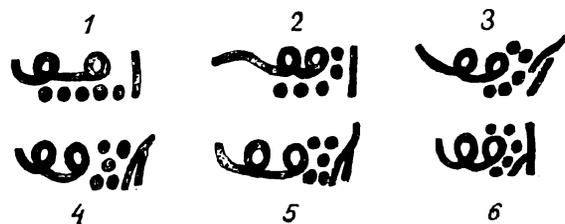

Рис. 4

ней и *алефом*, и форма и положение *мадды* по отношению к *алефу* показывают, что китайские монетчики понимали и *мадду* и точки как украшения и поэтому весьма вольно обращались с ними (см. рис. 4). Так, *мадда* если не отсутствует — что бывает, впрочем, редко — то лишь на более ранних цянях XVIII — начала XIX в. имеет надлежащий ей вид и положение. К середине XIX в. *мадда* в виде короткой слегка выгнутой вверх черты оказывается опущенной слева от *алефа* и сросшейся с ним в его средней части в одно начертание, которое почти ничем не отличается от перевернутой арабской «двойки» ۲.

Можно подумать, что уйгурский мастер, готовивший формы для монет Рашаддина, помня это начертание, не решился отбросить непонятную ему «двойку» и поместил ее в конце слова. Однако это предположение опровергается уже тем, что «двойка» обозначена и на монетах Рашаддина, выпущенных в Куче, появившихся почти на полтора месяца раньше, чем повстанцы заняли Аксу [14, стр. 164].

Остается предположить, что «двойка» обозначает двойной номинал.

Восточный Туркестан получил кратные номиналы сразу после китайского завоевания. Уже в 1759 г. на монетном дворе города Уши были выпущены цяни двойной стоимости [1, № 381; 3, стр. 72, табл. XVI, № 130]. В самом Китае кратные цяни в то время не обращались, но отливка их иногда практиковалась в древности и в средние века. Производство двухцяневых монет в Восточном Туркестане, насколько известно, больше не повторялось. Выпуск их, видимо, следует рассматривать как уступку какому-то местному денежному счету, существовавшему в Восточном Туркестане до китайского завоевания. Изучение восточнотуркестанских монетных находок, как происходящих из раскопок, так и случайных, помогло бы решить вопрос, с какими монетами связан этот счет.

Но едва ли стоит связывать с монетами Уши 1759 г. появление двойного номинала, осуществленного в Кучинском ханстве более чем через столетие.

Ч. Ч. Валиханов, посетивший Восточный Туркестан в 1857 г., в описании своего путешествия дал подробный обзор монет, обращавшихся там в самом начале второй половины XIX в. То были хокандские и бухарские золотые (*тилла*) и серебряные (*тенга*), китайские ямбы и медь (*цяни*) [4, стр. 480—482]. Особый интерес представляет сообщение Ч. Ч. Валиханова о том, что медные монеты образца китайских цяней ходили двух сортов — «да чан» (кит. «да цянь» — большой цянь.— А. Б.) и «чау чан» (кит. «сяо цянь» — малый цянь.— А. Б.) — и соответственно назывались местным населением «2 пула» и «1 пул» [4, стр. 480]. Думается, не должно подлежать сомнению, что в этих уйгурских названиях снова отразился более привычный для народа денежный счет.

К сожалению, Ч. Ч. Валиханов не оставил хотя бы самого краткого описания этих китайских монет. Решить теперь, каковы они были, очень трудно, учитывая разнообразие неполноценных китайских выпусков в периоды Сяньфэн (1851—1861) и Тунчжи (1862—1874). Огромные количества этих монет, отлитых из бронзы и железа, наводнили центральные и восточные провинции Китая и могли проникать также на крайний запад страны. Однако наиболее распространенными из всех монет, выпущенных цинским правительством с 1759 до начала 1860-х годов в Аксу и Куче, судя по собранию Государственного Эрмитажа, были монеты в 1 и 10 цяней. Различать их не составляло трудности для уйгур, не знавших китайской грамоты. На десятицяневых монетах стоит один из самых простых китайских иероглифов + («ши» — десять), одноцяневые монеты не носят никакого обозначения номинала.

Отнюдь не настаивая на непреложности такого объяснения, можно предположить, что именно этим наиболее ходовым монетам и были присвоены наименования «да чан» и «чао чан», которым уйгурское население дало названия «2 пула» и «1 пул» в соответствии с более привычным ему счетом.

Вес экземпляров, составляющих каждую из названных двух групп,

очень неодинаковый¹³. Однако средний вес одноцаневых и десятицаневых монет в пределах одного правления оказывается или одинаковым, или отличающимся совсем незначительно. То же приходится сказать о размере монет. Разница их диаметров настолько невелика, что почти неощутима на глаз — от 24 до 27,5 мм. Такое отсутствие стандартов объясняется, видимо, несовершенством техники производства. При ручном способе изготовления форм трудно, конечно, достигнуть одинаковой глубины и одинакового диаметра гнезда. Но и самая небольшая разница в глубине и размере их, естественно, приводила к различной толщине и величине отлитых монет, что больше всего отражалось на весе. Одинаковые обозначения одних и тех же номиналов на монетах, отличавшихся немного размером, а иногда очень значительно весом, показывают, что китайцы не обращали внимания на эти различия. Учитывалось, видимо, лишь количество монет, отлитых из определенного веса металла. При таких обстоятельствах номиналы являлись довольно условным понятием.

Сравнивая вес монет Рашаддина и выпущенных китайским правительством в Аксу и Куче, легко заметить одну общую для них черту — неодинаковость веса, вызванную отмеченными техническими причинами. Нельзя при этом забывать, что особенно резкие колебания в весе монет Рашаддина, доступных для изучения, зависят также от их сохранности, далеко не всегда удовлетворительной. Поэтому вряд ли будет большой ошибкой рассматривать вес только экземпляров хорошей сохранности, каковыми являются весящие 4 г или больше.

Монетный двор Куча

5,15; 4,52; 4,05; 3,80; 3,80; 3,56¹⁴; 3,81; 3,79¹⁵; 4,02; 3,73; 4,35¹⁶; 4,05; 3,73; 3,33; 4,03; 3,81; 3,12; 2,64; 3,20¹⁷.

Монетный двор Аксу

4,59; 4,34; 4,01; 3,93; 3,88; 3,46¹⁸.

Средний вес их — 4,31 г, другими словами, весьма близкий к среднему весу десятицаневых китайских монет. Не одинаков тоже и размер монет Рашаддина; среди изучаемых лишь две незначительно больше и меньше этой нормы — 27 и 24,5 мм¹⁹. Таким образом, оказывается, что монеты Рашаддина хорошей сохранности не отличаются ощутимо от китайских монет в 10 цаней. И нет ничего невозможного,

¹³ Монетный двор Аксу. Период Цяньлун. 1 цань — 4, 15; 4, 75; 4, 86; 4, 28; 3, 61; 4, 87; 4, 37; 4, 21; 3, 73; 7, 40; 6, 95; 4, 41; 4, 30; 4, 29 (№ 3379, 3380, 11262—11273); средний вес — 4, 72. 10 цаней — 4, 66 (№ 11261). Период Даогуан. 1 цань — 4, 81; 5, 45 (№ 3415, 11985); средний вес — 5, 13; 10 цаней — 4, 96; 5, 10; 4, 96; 7, 22; 5, 09; 5, 70; 5, 07; 4, 50; 4, 78; 4, 48; 3, 49 (№ 3416—3420, 11978—11983); средний вес — 5, 31. (Период Сянь фэн, 1 цань — 5, 25 (№ 3440). 10 цаней — 5, 42; 5, 12; 5, 09 (№ 12008—12010); средний вес — 5, 21. Период Тунчжи. 10 цаней — 4, 50; 4, 50; 5, 51; 4, 35 (№ 3551, 3552, 12042, 12043); средний вес — 4, 72.

Монетный двор Куча. Период Цяньлун. 1 цань — 4, 42; 4, 36; 3,69; 3,22 (№ 11292—11295); средний вес — 3, 92, 10 цаней — 4, 49; 4, 25 (№ 11290, 11291); средний вес — 4, 37. Период Даогуан. 10 цаней — 4, 16 (пост. 583/21). Период Сянь фэн. 10 цаней — 4, 43; 5, 08, 3, 61 (№ 3453, 12013, 12014); средний вес — 4,37. Период Тунчжи. 10 цаней — 4, 51 (№ 12044).

¹⁴ Отдел нумизматики Государственного Эрмитажа (далее — ОН), № 12150—12155 (бывш. собр. Азиатского музея).

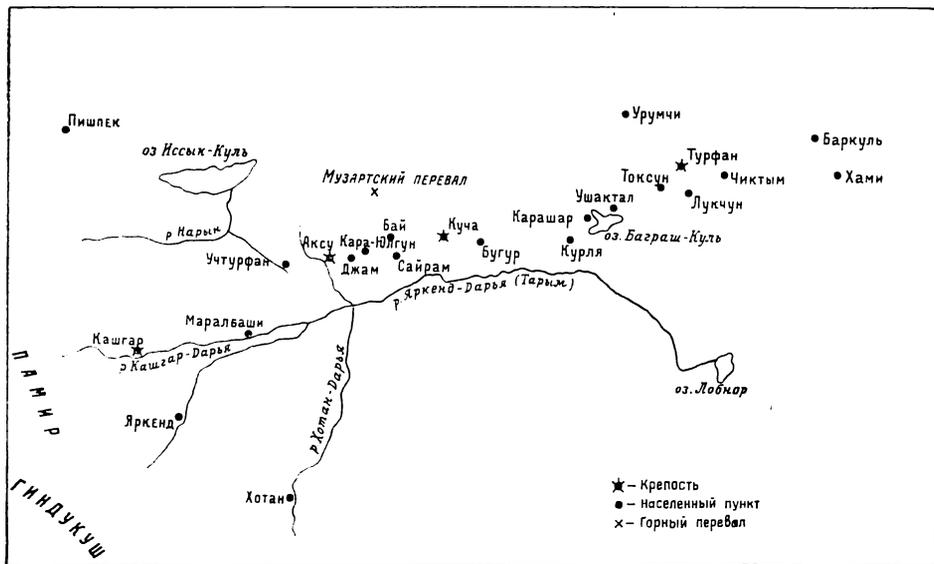
¹⁵ ОН, поступление 583/21.

¹⁶ ОН, № 5593—5595 (бывш. собр. Е. А. Пахомова).

¹⁷ Отдел Востока Государственного Эрмитажа (далее — ОВ), № Ку 747—754 (бывш. собр. М. Березовского, составленное в 1905—1907 гг.).

¹⁸ ОН, № 12156—12161 (бывш. собр. Азиатского музея).

¹⁹ ОВ, № Ку 750; ОН, поступление 583/21.

Схематическая карта населенных пунктов, упомянутых в статье

что такие же, как они, по величине и весу монеты Рашаддина и по ценности были приравнены к ним и назывались «2 пула», что и отмечено находящейся на монетах арабской цифрой «два» (۲)²⁰.

II

О дунгано-уйгурском восстании 1864 г., которым руководил Рашаддин, писали в разной степени подробно многие русские и зарубежные авторы. Сохранились и хроники местных уйгурских современников и даже участников восстания, каким был мулла Муса, автор «Та'рих-и Эминие» [2, стр. 0189]. Сведения всех этих источников, как европейских, так и уйгурских, собрал и критически сопоставил Д. И. Тихонов в 1948 г. [14, стр. 155—172]. Новые данные сообщают монеты Рашаддина, остававшиеся ранее не опознанными. Имеет смысл поэтому кратко повторить здесь историю восстания, дополнив ее сведениями, полученными благодаря монетам, существование которых само по себе является значительным фактом в развитии восстания и биографии Рашаддина.

Восстание началось в понедельник ночью, 1 мухаррама 1281 г. х. (6 июня 1864 г.), в год мыши²¹. В Куче выступила толпа дунган, вооруженная самодельным оружием, кетменями, топорами, палками, к которой присоединились уйгуры, возглавляемые Алиар-беком. Призыв начать войну за веру быстро охватил мусульманское население города.

²⁰ Принюшу большую благодарность Н. В. Ивочкиной, по моей просьбе составившей список весов всех китайских монет Эрмитажа, отлитых в Восточном Туркестане, очень облегчивший мне работу над этим вопросом.

²¹ Писавшие о восстании 1864 г. сообщают разные даты его начала. Д. И. Тихонов, исследовавший этот вопрос, остановился [14, стр. 157] на дате, отмеченной автором «Та'рих-и Эминие» [13, стр. 34₁₃₋₁₄ и 54₁₂₋₁₃], но повторил данное им неправильное указание года по звериному циклу («год змеи») и дня недели («суббота»). Ошибку уйгурского автора исправил академик В. В. Бартольд [2, стр. 0189, прим. 1]. О переводе дат см. также у Л. В. Черепнина [15, табл. XXV, 1].

Небольшой китайский гарнизон частью разбежался, частью был перебит, а резиденция китайского чиновника захвачена. Организовать новое городское управление было предложено оказавшемуся в Куче бывшему хакиму Яркенда Ахмат-беку. Однако он отказался, убоявшись китайского императора, за что и был убит, как и кучинский хаким Мухаммад Курбан-бек, который не примкнул к восстанию. Временно был назначен правителем некий Шахриар Халифа. Принять титул хана и возглавить движение предложили находившемуся в то время в мазаре Арш ад-дина потомку ходжей «черногорского» толка ислама Рашид ад-дину (Рашаддин), и последний принял это предложение [14, стр. 158].

Приступив к правлению в начале июня 1864 г., Рашаддин не замедлил организовать в Куче отливку монет со своим именем и присвоенным себе официальным титулом — «Сейид Гази хан».

После свержения китайского господства большую пользу извлекли крупные уйгурские феодалы, занявшие все высшие посты. Выиграли и торговцы, избавившиеся от зависимости китайских ломбардов. Крестьяне и трудовой люд, принявшие на себя главную тяжесть борьбы, не добились полного освобождения. Но и они сразу почувствовали облегчение: отпала задолженность китайским ростовщикам и тяжелые налоги, шедшие на содержание китайской администрации и китайского войска [14, стр. 159].

Приняв верховную власть, Рашаддин призвал все население Кашгарии примкнуть к священной войне. Но феодалы, захватившие власть в Кашгаре, Яркенде и Хотане, отказались признать его главенство. Особенно сильное сопротивление Рашаддин встретил со стороны хакима Кашгара, принадлежавшего к враждебной «черногорцам» религиозной группировке «белогорцев». Встретив вооруженный отпор в ряде других населенных пунктов, Рашаддин принужден был действовать силой. Ввиду недостатка военного снаряжения в Куче были организованы мастерские, на которых местные мастера, кузнецы и солевары изготовляли оружие и порох [14, стр. 158—159].

Стремясь привлечь на сторону восстания население Джунгарии, Рашаддин в первую очередь постарался изгнать китайцев из Аксу. Победа далась не без труда, несмотря на то что легко были заняты Сайрам, Бай и Джам, а войско, насчитывавшее первоначально 190 человек, из которых было 150 уйгур, быстро росло. Мулла Муса отмечает, что в Бае пришлось даже уговаривать народ не присоединяться к отряду [14, стр. 162]. Расчет Рашаддина, поместившего свое имя на монетах именно в этой народной уйгурской форме, был правильный.

Серьезное препятствие кучинцы встретили под Кара-Юлгуном. Китайское войско, состоявшее из части гарнизона Аксу и уцелевших защитников Сайрама и Бая, под начальством Саид-бека, брата кашгарского хакима, ночью напало на спящий лагерь кучинцев. Многие были убиты и взяты в плен, другие бежали в степь, значительная часть территории была отвоевана китайцами. Уйгурские авторы расходятся в деталях этого поражения повстанцев, в численности войск обеих сторон и в именах военачальников, но одинаково признают неудачную попытку Рашаддина овладеть Аксу с первого раза²². После разгрома кучинцев под Кара-Юлгуном Рашаддин без промедления организовал второй поход на запад под командованием своего младшего брата Джамал ад-дина, участника первого похода. Быстро вернув Сайрам и Бай, Джамал ад-дин ушел на север к Музартскому пере-

²² Все эти версии переданы Д. И. Тихоновым в его статье [14, стр. 162—163].

валу, где занялся обучением и подготовкой войска. Подавив затем упорное сопротивление небольшого китайского гарнизона в Джаме, Джамал ад-дин направился в Аксу, но снова под Кара-Юлгуном принужден был принять бой с китайской пехотой. Командовал ею по-прежнему Саид-бек, но на этот раз победили кучинцы. Почти все китайцы были перебиты, Саид-бек через Аксу, где находилась его семья, бежал обратно в Кашгар, а Джамал ад-дин без боя занял мусульманскую часть города. Укрывшиеся в крепости китайцы, не выдержав осады, подорвали себя на пороховых складах, чем и завершилось присоединение Аксу 12 сафара (17 июля) того же, 1281/1864 г. [14, стр. 164]. Таким образом, и первые монеты, выпущенные Рашаддином в Аксу, следует отнести к тому же, 1864 г.

Пока шло завоевание Аксу, небольшой отряд кучинцев занял Музартский перевал и тем самым защитил области повстанцев от большого войска, направлявшегося из Илийской долины на помощь китайцам Восточного Туркестана. Это позволило кучинцам уже через два дня после взятия Аксу начать дальнейшее продвижение на запад к сильной крепости Учтурфан. Несмотря на то что небольшой отряд, высланный против повстанцев, и население города перешли на их сторону, крепость сдалась только после второго приступа. Китайцы погибли, взорвав пороховой погреб. Однако присоединение Учтурфана было завершено лишь после разгрома местных уйгурских феодалов, осадивших город вместе с окрестным населением, а после поражения бежавших в Или и Кашгар [14, стр. 164—166].

Завершив освобождение Западной Джунгарии, Рашаддин снарядил поход на Яркенд. Из Аксу и Учтурфана выступили два отряда общей численностью 6500 человек, включая 2500 конных учтурфанцев. В Маралбаши к ним добровольно примкнул местный гарнизон в 2 тыс. человек. Когда войско подошло к Яркенду, оказалось, что в результате восстания власть здесь уже захватили дунгане. Поход на Кашгар, предпринятый 12 джумада I (13 октября), закончился неудачей. Отряд вел Хатиб-ходжа, уже раньше показавший себя плохим военачальником. Севернее Кашгара местное население доставило к нему Саид-бека, бывшего хакима Аксу, бежавшего оттуда в Кашгар и теперь отправленного китайцами в Кульджу за помощью. Но этим и кончились успехи. Хаким Кашгара, узнав о приближении повстанцев, сообщил им, что вместе с войском перейдет на их сторону. Когда же они подошли к городу, их встретил боем поджидавший отряд Садык-бека. Якобы для переговоров о сдаче Садык-бек завлек Хатиб-ходжу в свой лагерь и продержал его до тех пор, пока тот не согласился за большую награду вернуться в Учтурфан [14, стр. 166—167].

В течение всех описанных событий, как и дальше, Рашаддин оставался в Куче, так как одновременно с изгнанием китайцев из западных городов он снарядил поход на восток и должен был следить за событиями на обоих фронтах. Руководить войском он поручил одному из своих младших братьев — Исхак-ходже. Передовой отряд, преодолев сопротивление китайцев в селении Бугур, привлек на сторону восстания местных дунган. Город Курля был взят без боя. Население его добровольно примкнуло к повстанцам. Но дальнейшее продвижение их к Кашгару было задержано, так как китайцы разрушили переправы. Исхак-ходжа решил идти в обход оз. Баграш-Куль с юга и внезапным нападением уничтожил большое китайское войско, находившееся в Ушак-тале. Конный китайский отряд, вышедший из Турфана, был окружен кочевниками калмыками и пригнан к Исхак-ходже. Узнав из письма, найденного у пленных, что китайское правительство

выслало против него крупные военные силы, Исхак-ходжа разделил свой отряд на три части и сразу с трех сторон напал на китайцев. Соппротивление их удалось преодолеть. Мусульманское население радостно встречало освободителей и везде присоединялось к ним. Богатые трофеи помогли кучинцам справиться с 10-тысячным войском китайцев, вышедшим им навстречу из Карашара, после чего город оказался в их руках. Подойдя к Турфану, Исхак-ходжа обнаружил, что местные дунгане, истребив много китайцев, осадили крепость. Предвидя долгую осаду — крепость пала через четыре месяца, — Исхак-ходжа направился к Хами, но потерпел поражение под Чиктымом и отступил к Турфану. Отсюда он пошел на Токсун, а затем на Лукчун и Баркуль. Но среди местного населения преобладали китайцы, и присоединение этих городов потребовало немало усилий и времени. Тем не менее войско повстанцев росло, так как мусульмане охотно присоединялись к нему. Когда Исхак-ходжа был занят ликвидацией небольших укреплений, прибыли представители Хами и, выразив покорность Рашаддину, взяли сами свергнуть китайскую власть. Исхак-ходжа выступил по направлению к Хами 18 зульхидже (4 мая) 1282/1866 г., имея в своей армии около 16 тыс. человек [14, стр. 160—162].

Пока Исхак-ходжа победоносно продвигался на восток, прибывший из Средней Азии Йакуб-бек успел овладеть Кашгаром. Вскоре он отнял у кучинцев Яркенд, Маралбаши и другие ближайшие населенные пункты. Местное население легко подчинялось ему. Имея обеспеченный тыл и включив в свое войско местную конницу, Йакуб-бек стал готовиться к походу на Аксу и Кучу. Когда до Джамал ад-дина дошли вести о намерениях Йакуб-бека, он предложил Рашаддину выступить, не ожидая прихода противника. Большое войско, численностью 26 тыс. человек, собранное, по сведениям муллы Мусы, в Куче, Аксу, Учтурфане и окружающих селениях, во главе с Джамал ад-дином заняло Яркенд. Чтобы скрыть от Йакуб-бека свой дальнейший маршрут, Джамал ад-дин обогнул район Кашгара с востока и подошел к городу с северной стороны. Но Йакуб-бек разгадал маневр. Обойдя Кашгар еще севернее, он оказался в тылу кучинского войска. Численное превосходство его не смутило Йакуб-бека. Он отвлек внимание кучинцев нападением небольшого отряда, а затем ударил по ним главными силами своего войска. Несмотря на отчаянное упорство дунган, опасаясь окружения, Джамал ад-дин отступил и вернулся в Яркенд. Предательство Нийаз-бека, помощника яркендского хакима, бывшего тайным агентом Йакуб-бека, помогло последнему добить кучинцев и взять город. Хитростью Йакуб-бек заманил к себе хакима Хотана и, казнив его, занял этот город. Обеспечив себе таким образом тылы, Йакуб-бек направил свой удар непосредственно на столицу повстанцев. Последние силы их в количестве 30 тыс. человек не могли сдерживать напора врага. В июле 1867 г. город пал, а Рашаддин, пытавшийся бежать, был взят в плен и казнен [14, стр. 167—170].

Сбросить китайское иго Рашаддину в значительной степени помешала внутренняя рознь уйгур, основанная на соперничестве двух религиозных группировок в их среде. Йакуб-бек же был далек от этой борьбы и сумел найти поддержку каждой из них. Он был молод, когда появился в Кашгаре, к тому же, вероятно, обладал известным личным обаянием. Популярность его была очень велика в народе, который звал его «бадаулетом», т. е. счастливецом, и сложил о нем ряд песен. Интересно, что в одной из них, точнее, в песне о Бек-баче, сыне Йакуб-бека, дважды говорится о монетах [11, стр. 7, 15, 26—27]. В начале первого куплета: چاقا فلى اوتمايدور

«Деньги чака (т. е. «чохи» — цяни.— А. Б.) перестали обращаться».

آق تىنكە سى پرتىنكە

«Белая тенга (т. е. серебряная монета Йакуб-бека.— А. Б.) это — деньги».

В начале второго куплета:

چاقا فلى كۆل بولدى

«Деньги чака стали прахом».

Музыкальный фрагмент в нотной записи. Записано на одной системе с ключом F# и метром 2/4. Текст песни под нотами:

ЧА - КА ПУ - ЛИ - И ÖТ - МАЙ - ДУ(Р) АК ТАН - ГЕ СИ - И БИР ТАН - ГА

ЧА - КА

ПУ - ЛИ - И КÜЛЬ БОЛ - ДИ

Чрезвычайно любопытен прием, использованный уйгурскими народными певцами: в песне упоминанием о монетах сообщается об изменившемся политическом положении в стране.

III

К сказанному остается прибавить, что дунгано-уйгурское восстание 1864 г. не является совершенно обособленным событием в истории Восточного Туркестана. После захвата Китаем Джунгарии (1757 г.) и Кашгарии (1759 г.) крайняя западная провинция китайской империи не переставала быть постоянно бурлящим котлом. Введение в городах китайской администрации и китайских гарнизонов, китайской налоговой системы и китайских монет, отлитых в местных городах, и даже переселение некоторого числа маньчжуров, монголов и солон из других провинций Китая не могли задуть стремления уйгур и дунган к свержению китайского господства.

Уже через пятнадцать лет после завоевания уйгуры восстали в Учтурфане против маньчжурского правителя Су Чэна и поддерживавшего его местного хакима 'Абдулла-бека. Оба были убиты восставшими, которые пытались поднять население и других городов. Но уйгурские феодалы не вняли призыву, испугавшись направленных из Пекина войск. После двухмесячной осады город был взят китайцами (1764 г.). Массовое избиение и выселение оставшихся в живых в Или [16, стр. 551] не убили в уйгурском народе тяготение к свободе, а лишь отложили дальнейшие попытки. Борьбу с «неверными» продолжили дунгане северо-западной части Центрального Китая, затаившие вражду к маньчжурам со времени их вторжения в Китай. Дунганское восстание в провинции Цинхай в 1781 г., возглавленное Сусышисанем было жестоко подавлено императорскими войсками, которые сожгли лес с засевшими в нем повстанцами. Через два года восстали дунгане

в провинции Ганьсу. Руководивший ими дунганин Тянь У был убит в первой же стычке, однако повстанцы нанесли поражение высланному против них карательному отряду, но не могли долго сопротивляться и все были перебиты (1783 г.) [16, стр. 552—553]. В 1826 г. снова восстали уйгуры Восточного Туркестана, подстрекаемые английскими агентами. Во главе них стоял Джахангир-ходжа. Пользуясь поддержкой Англии, он захватил Кашгар, Янгихисар, Яркенд и Хотан и разбил китайский карательный отряд, но не выдержал напора нового войска, присланного правительством Даогуана, и бежал в Среднюю Азию. В конце 1827 г. ему снова удалось овладеть Кашгаром, однако вскоре он погиб от вражеской руки под Аксу. «После этого, — пишет проф. Шан Юэ, — сопротивление уйгур никогда не прекращалось» [16, стр. 552]. В нумизматике восстание Джахангира-ходжи отмечено китайскими памятными монетами в 5 и 10 цяней, отлитыми в Аксу в 8 г. периода Даогуан (1828 г.) в память победы над восставшими [1, № 416 и 417; 3, стр. 33 и 73, табл. XVII, № 132, 133].

Великое Тайпинское восстание (1850—1864 гг.) потрясло весь Китай и вызвало антиправительственные выступления китайских мусульман. В конце 1855 г. в юго-западной провинции Китая Юньнань, в значительной степени заселенной приверженцами ислама, волнения рудокопов вылились в большое крестьянское восстание, которым руководило мусульманское духовенство. Священная война против «неверных» привела к образованию в г. Дали мусульманского государства, возглавленного неким султаном Сулейманом, которого охотно поддерживала Англия ввиду близости своих индийских владений. Султанат продержался до начала 1870-х годов, когда цинскому правительству после нескольких месяцев осады удалось взять Дали и казнить султана. Победители отправили в Пекин двадцать четыре корзины с ушами повстанцев и заспиртованную голову Сулеймана [6, стр. 78].

В северо-западных провинциях Внутреннего Китая, Шэньси и Ганьсу, в 1862 г. вспыхнуло крупное восстание дунган, которые в 1868 г. потерпели поражение в Шэньси в связи с изменой дунганских феодалов. Это поражение выдвинуло выдающегося дунганского революционного деятеля Мухаммада Аййуба Биянху [см. 5, стр. 27—54]. Он вступил в борьбу в середине 1869 г. и после поражения в Шэньси с уцелевшими повстанцами ушел в Ганьсу. Отдельные успехи, достигнутые повстанцами героической ценой, не могли привести к окончательной победе из-за измены ряда руководителей восстания (1870 г.). Биянху, прозванный народом «Даху» (Великий тигр), тем не менее не оставил начатого дела. Терпя измены и военные неудачи, он вступил в Восточный Туркестан, где в Хами ему удалось одержать победу над императорским войском (1872 г.). Здесь, чтобы вместе противостоять общему врагу, Биянху присоединился к Йакуб-беку, который после разгрома Рашаддина и падения возникшего одновременно с Кучинским ханством дунганского государства в Урумчи (1872 г.) сделался единоличным хозяином Восточного Туркестана. Относясь к Биянху как к вассалу, Йакуб-бек передал ему Урумчи. Гуансюй (1875—1908), вступив на престол, решил сразу восстановить господство Китая в Восточном Туркестане и направил туда крупное войско. Биянху, не дождавшись помощи, обещанной Йакуб-беком, принужден был оставить Урумчи (1876 г.) и ряд других городов Джунгарии, в которых не сумел утвердиться. Он прибыл в Кашгар в конце 1877 г., уже после смерти Йакуб-бека, и перешел границу России вместе с несколькими тысячами дунган,

прося предоставить всем им убежище, что и было выполнено. Цинское правительство с настойчивостью, достигавшей дерзости, неоднократно требовало выдачи Биянху, квалифицируя его как разбойника. Генерал-губернатор Туркестанского края генерал-адъютант К. П. Кауфман и военный губернатор Семиреченской области генерал-лейтенант Колпаковский с ведома Министерства иностранных дел неизменно отвечали отказом как из человеколюбия, так и по тактическим соображениям, учитывая отношения с мусульманами Средней Азии. Русское командование сумело предотвратить убийство Биянху, подготавливавшееся китайской стороной, и сообщило о заключении его под стражу, чего на самом деле не было. Биянху умер в Пишпек Семиреченской области (ныне г. Фрунзе) в 1882 г. Предусмотрительные родственники тайно похоронили Биянху во дворе дома, в котором он жил. Действительно, мнимая могила его на кладбище вскоре была разрыта желавшими надругаться над его прахом, но в ней оказалось чучело.

Из всего сказанного явствует, что восстание, возглавленное в 1864 г. Рашаддином, было лишь одним из звеньев в борьбе уйгур и дунган за освобождение от китайского владычества.

Как знать, может быть, суждено еще нумизматам встретить монеты Далийского султаната или Урумчинского государства, подобно тому как были обнаружены монеты Рашаддина.

1. Алексеев В. М., Описание китайских монет и монетовидных амулетов, находящихся в Нумизматическом отделении Императорского Эрмитажа, СПб., 1907.
2. Бартольд В. В., Таарих-и Эмэние. История владетелей Кашгарии, сочинение муллы Мусы, бен мулла Айса, сайрамца, изданная Н. Н. Пантусовым, Казань, 1905. Рецензия («Записки Восточного Отделения Русского археологического общества», т. XVII, 1906).
3. Бьков А. А., Монеты Китая, Л., 1969.
4. [Валиханов Ч. Ч.], Сочинения Чокана Ченгисовича Валиханова под редакцией Н. И. Веселовского, — «Записки Отделения этнографии Русского географического общества», т. XXIX, СПб., 1904.
5. Думан Л. И., Биянху — вождь дунганского восстания 1862—1877 гг., — «Записки Института востоковедения АН СССР», т. VII, М.—Л., 1939.
6. Ефимов Г. В., Очерки по новой и новейшей истории Китая, [М.], 1951.
7. Катанов Н. Ф., Предисловие к «Материалам к изучению наречия таранчей Илийского округа», вып. VI, Казань, 1901.
8. Корнилов, Кашгария или Восточный Туркестан. Опыт военно-статистического описания, Ташкент, 1903.
9. Насилов В. М., Грамматика уйгурского языка, М., 1940.
10. Пантусов Н. Н., Война мусульман против китайцев, вып. II, Казань, 1881.
11. Пантусов Н. Н., Материалы к изучению наречия таранчей Илийского округа, вып. VI («Стихотворения о Якуб беке, государе Кашгарии, и событиях его времени»), Казань, 1901.
12. Рукопись ЛО ИВАН СССР — С 57 (на уйгурском языке).
13. Таарих-и Эмэние. История владетелей Кашгарии, сочинение муллы Мусы, бен мулла Айса, сайрамца, изданная Н. Н. Пантусовым, Казань, 1905.
14. Тихонов Д. [И.], Восстание 1864 г. в Восточном Туркестане, — «Советское востоковедение», вып. V, [1948].
15. Черепнин Л. В., Русская хронология, М., 1944.
16. Шаньюэ, Очерки истории Китая, М., 1959.
17. Hoernle A. R., A Collection of Antiquities from Central Asia, pt I, — «Journal of the Asiatic Society of Bengal», vol. LXVIII, Pt I. Extra number 1, 1899.
18. Sch l ö s s e r R., Chinas Münzen, Wörl in Westfalen, 1935.
19. Weyl A., 3-sprachige chinesische Münzen, welche für Ost-Turkestan geschlagen sind, Berlin, 1882.